

Еще раз про суды

Елена Рябина, 10/06/2013

Нет, я сейчас не про Замоскворецкий в Мосгоре (ничего себе, однако, "два в одном" получается...), который по "Болотному делу". Про него, хоть и собираюсь побывать там не раз, напишут без меня и не хуже. А сейчас – про совсем другой суд, про Челябинский областной.

Там вот уж который месяц судят пятерых ребят, обвиняемых, ни много, ни мало, в подготовке насильственного захвата власти. Как готовили? Элементарно, Ватсон: с помощью разговоров о смысле жизни и поисков онога в идеологии запрещенной в наших пенатах организации "Хизб ут-Тахрир", которую 10 лет назад Верховный Суд признал террористической за вполне утопические (к счастью!) фантазии о халифате. По мнению сторонников "Хизб ут-Тахрир", халифат должен наступить сначала в одной отдельно взятой стране, как только все ее население стройными рядами уверует в то же самое, что и они сами.

Ничего не напоминает, читатель? Ага, вот именно – сильно смахивает на кое-что, знакомое до слез, до боли, начиная с обязательной когда-то для первокурсников истории КПСС и заканчивая гос.экзаменом на пятом курсе любого совкового ВУЗа по, извините за выражение, "научному коммунизму". Но и разница тоже есть: в отличие от плохо забытого коммунистического кошмара, мечтатели о халифате считают, что добьются своего без всякого оружия – исключительно методом "идей, овладевших массами". Ну, и несут свои идеи тем, кому охота их слушать. Ой, как опасно!

Однако шутки в сторону: санкция по ст. 278 УК РФ "Насильственный захват власти или насильственное удержание власти" составляет, ни много, ни мало, от 12 до 20 лет лишения свободы. За подготовку – т.е., по обвинению в неоконченном преступлении, – выйдет поменьше, но тоже мало не покажется. По крайней мере, в 2009 г. – во времена диетические в сравнении с нынешними, – на аналогичном процессе в Казани, где судили 12 человек, максимальный срок составил 8 лет. Вменены подсудимым еще ст. 205-1 (содействие террористической деятельности), по которой причитается от 5 до 10 лет, и ст. 282-2 (организация деятельности экстремистской организации) – она, по сравнению с предыдущими двумя, можно сказать, мелочь, по ней больше 3-х лет не получишь. Так что, при всей несимпатичности означенных идей, стоит всякий раз разбираться в том, что же такого ужасного представляет сторона обвинения в суде и как тот соблюдает фундаментальные принципы, без которых его и судом-то трудно назвать – независимость, беспристрастность и состязательность сторон.

Итак, с 22 по 24 мая 2013 г. – 3 дня в Челябинском областном.

Для начала разговора, судебный пристав еще в коридоре собирает документы у нескольких человек, пришедших послушать процесс, и передает их секретарю, хотя при входе в здание суда охрана, как водится, переписала всех в свой журнал. Свою бдительность подручный Фемиды объясняет необходимостью убедиться в том, что никого из подлежащих допросу свидетелей раньше времени в зале не окажется. Ладно, допустим. Минут через 10, в ожидании появления судебной коллегии, интересуюсь, убедился ли он уже во всем, в чем хотел, и не пора ли вернуть документы. Услышав вместо вразумительного ответа нечто вроде "всему свое время, в УПК все написано", начинаю демонстративно рыться в этом самом УПК. Как и ожидалось, срабатывает – документы немедленно возвращаются и мне, и другим

слушателям. Условный рефлекс имени профессора Павлова? Зато ни на следующий день, ни через день документы у слушателей уже никто не собирал – видимо, решили дождаться отъезда "московской гостьи".

"Клетка" для подсудимых пуста – их еще в конце апреля удалили из зала суда вплоть до стадии дополнений. По словам защитников, причин тому было две. Во-первых, подсудимые заявили, что не знают, в чем их обвиняют, т.к. копии обвинительного заключения были им вручены в нечитабельном виде: на каждой странице формата А4 уместилось аж по 4 страницы текста. В условиях СИЗО, где, разумеется, не то, что лупа, а микроскоп в каждой камере, читай – не хочу. Во-вторых, обвиняемые настойчиво отказывались от назначенных адвокатов, которые, по их мнению, практически не участвовали в процессе, молча сучая за своим столом. К тому времени в деле уже появились два адвоката по соглашению (чуть позднее в него вступил и третий), которые, как известно, иногда бывают заняты в других процессах. И если бы суд удовлетворил ходатайства об отказе от назначенных адвокатов, даты заседаний пришлось бы согласовывать с приглашенными. А оно суду надо? Так что, начиная с 29 апреля, дело рассматривается в режиме "без меня меня судили".

Наконец, в зал входит коллегия – председатель Виолетта Мосина, судьи Надежда Курганова и Константин Кучин, – и процесс пошел. Защита заявляет ходатайства о возврате подсудимых в зал суда, снова – об отводе одного из назначенных адвокатов, а там и об отводе всей коллегии и прокурора. И тут я получаю одно из самых ярких впечатлений этого дня, которое потом неоднократно повторялось. Не поверите: в скольких уже процессах участвовала в самых разных качествах – от слушателя до защитника, – но отродясь не видела, как одна Ваша честь перекрикивает другую Вашу честь, чтобы выразить свое наболевшее возмущение, которое рвется из глубины судейской души, стесненной рамками УПК. Ну а ходатайства защиты суд, ясное дело, отклонил.

Начинается допрос свидетелей обвинения. За 3 дня допросили троих, в том числе, одного секретного – с измененным голосом и в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Предмет исследования сводился к тому, о чем говорили подсудимые во время чаепитий, на которые они собирались и приглашали других мусульман, были ли там разговоры о политике, обменивались ли участники встреч литературой и видеоматериалами, и если да, то какими, и конечно – были ли призывы к силовому свержению власти в России.

Из ответов свидетелей выяснилось любопытное: те двое, кого допрашивали открыто, сказали, что призывов к насилию не слышали, а по словам секретного свидетеля, возникавшие время от времени разговоры о джихаде пресекали сами подсудимые, из чего он сделал вывод, что они ... опасались говорить в его присутствии. Все остальное, что обсуждалось в эти 3 судебных дня – тонкости понимания и трактовки норм ислама и привычное уже для таких процессов обсуждение вопроса о том, чем отличатся "традиционный" ислам от "нетрадиционного". Впрочем, где же еще разрешать эти теологические проблемы, как не в рамках уголовного судопроизводства светского государства? Одним словом, такая вот "доказательная база" подготовки насильственного захвата власти.

Сразу же разочарую читателя: в деле нет ничего, что указывало бы на реальную подготовку силовых акций. Не упоминаются там ни оружие, ни боеприпасы, ни снаряжение, ни какие бы то ни было схемы размещения, передвижения или действий всех пятерых предполагаемых участников (они же и предполагаемые организаторы) будущего гос.переворота – в общем, ничего из атрибутов революционера любого толка. А есть там только тексты о халифате на разных

носителях и результаты прослушки разговоров на упомянутых чаепитиях все о том же халифате да о смысле жизни и несовершенстве ее нынешнего устройства.

Так может быть, суд разберется и переквалифицирует всю эту болтовню? Или, по крайней мере, если на ее основании сочтет доказанной причастность подсудимых к запрещенной организации, то и ограничится наказанием по ст. 282-2, которая, как раз, и предусматривает ответственность за таковую?

Ну конечно, а как же иначе-то? Беспристрастность суда и соблюдение им принципа состязательности сторон особенно ярко проявились на третий день, когда защита допрашивала секретного свидетеля. Фраза председательствующей судьи "вопрос снимается" повторялась с частотой заевшей граммофонной пластинки, а разок прозвучала в варианте: "Вопрос снимается, и я уже устала объяснять, почему" – короче говоря, в полном соответствии с УПК. При этом, некоторые вопросы защитников, формулировки которых действительно бывали далековаты от идеала, судья переиначивала на свой лад, на ходу изрядно меняя их смысл – и свидетель отвечал или не совсем на то, или совсем не на то, о чем у него спрашивали защитники. А следующие их вопросы, перефразированные четче, суд снимал, т.к. "свидетель на это уже ответил". Причем, странное дело – ни разу за 3 дня не был снят ни один из вопросов прокурора, хотя кое-какие из них явно содержали в себе ожидаемый ответ.

Что же касается независимости суда – не хочу накаркать (ждемся приговора), но свежо предание, да верится с трудом. Во всяком случае, описанная выше "беспристрастность" поводов для оптимизма оставляет маловато. При этом, не могу не напомнить: по статье 278 светит от 12 до 20 строгого – ну, может, со скидкой ввиду неоконченного характера вменяемых деяний.

И в завершение – вопрос: если мой пессимизм оправдается, можно ли спорить с тем, что эти пятеро станут политзеками?

Полный вариант. В сокращении статья впервые опубликована на "Грани.Ру"